

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 328. 36

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР АГРАРНЫХ РЕФОРМ В РОССИИ

А.А. Вилков

Саратовский государственный университет
E-mail: vil57@yandex.ru

В статье речь идет о роли идеологического и социокультурного фактора в аграрных преобразованиях в истории России. Автор представил исторический ракурс понимания специфики крестьянского вопроса в дореволюционной и современной России сторонниками различной идеологической и мировоззренческой ориентации.

Ключевые слова: идеологический фактор, социокультурный фактор, аграрный вопрос в России, общинность, аграрные реформы.

The Ideological and Sociocultural Factor Agrarian Reform in Russia

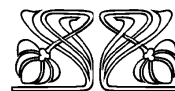
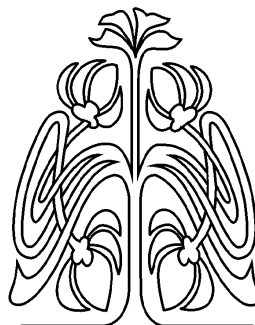
A.A. Vilkov

In this article talking about the role of ideological and sociocultural factors in the agrarian reforms in Russia's history. The author provided a historical perspective of understanding the specifics of the peasant question in pre-revolutionary and modern Russia supporters of various ideological and mental outlook.

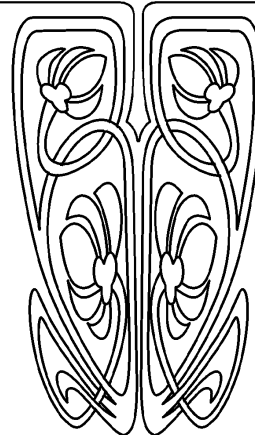
Key words: ideological factors, socio-cultural factor, agrarian question in Russia, communality, agrarian reform.

В феврале 2011 г. Россия отмечает юбилейную дату, которая пока не привлекла особого внимания политиков и широкой общественности, хотя значимость её не вызывает сомнения у представителей как левого, так и правого крыла российского политического бомонда: прошло 150 лет со дня освобождения российского крестьянства от крепостничества. Однако понимание места и роли данного явления в политическом и социально-экономическом развитии России вызывало и продолжает вызывать самые бурные дискуссии.

Началом можно считать полемическую публицистику А.С. Пушкина¹, критически оценившего запрещенную Екатериной II книгу А.Н. Радищева. На страстные обличения крепостничества последнего А.С. Пушкин отвечал не менее эмоционально: «Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи? О его смелости и смысленности и говорить нечего. Переимчивость его известна. Проворство и ловкость удивительны. ... никогда не заметите в нем ни грубого удивления, ни невежественного презрения к чужому. В России нет человека, который бы не имел своего собственного жилища. Нищий, уходя скитаться по миру, оставляет свою избу. Этого нет в чужих краях. Иметь корову везде в Европе есть знак роскоши; у нас не иметь коровы есть знак ужасной бедности. Наш крестьянин опрятен по привычке и по правилу: каждую субботу ходит он в баню; умывается по несколько раз в день... Судьба крестьянина улучшается со дня на день по мере распространения просвещения... Благосостояние крестьян тесно связано с благосостоянием помещиков; это очевидно для всякого. Конечно, должны еще произойти великие перемены; но не должно торопить времени, и без того уже довольно деятельного. Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества...»²

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Понятно, что данная поэтом оценка состояния российской деревни на период середины 1830-х гг. не может быть отнесена к научно обоснованной. Но Пушкин писал о своих личных впечатлениях и собственном понимании тех проблем российского крестьянства, которые, по его мнению, были предвзято и гипертрофированно обозначены в таком же публицистическом произведении А.Н. Радищева. Главное, на наш взгляд, заключается в том, что А.С. Пушкин сумел наиболее адекватно отразить доминирующие в российском дворянстве представления о том, как нужно реформировать крепостническую систему. Последующие события подтвердили, что подобный подход был характерен и для Александра II при подготовке и проведении аграрной реформы 1861 года.

Проблема крепостничества и крестьянской общины в России была также одним из важнейших предметов полемики славянофилов и западников. Главной особенностью её было то, что указанная проблематика определяла ядро более широкой дискуссии о Русской идее, о поиске самобытного пути развития России.

П.Я. Чаадаев, один из первых идеологов западничества, в качестве «образующего» начала, определяющего место русского народа среди человечества, выделял «элемент географический». Он писал: «...вся наша история – продукт природы того необъятного края, который достался нам в удел. Это она рассеяла нас во всех направлениях и разбросала в пространстве с первых же дней нашего существования; она внушила нам странную покорность силе вещей, всякой власти, провозгласившей себя нашим владыкой. В такой среде нет места для правильного повседневного общения умов между собой, в этой полной обособленности отдельных сознаний нет места для логического развития мысли, для непосредственного порыва души... нет места для сочувствия людей между собой... словом, мы лишь геологический продукт обширных пространств... лишь любопытная страница физической географии. Вот почему насколько велико в мире наше материальное значение, настолько ничтожно все значение нашей силы нравственной»³.

В целом, оценивая дискуссию западников и славянофилов⁴, её можно охарактеризовать следующим образом: одни руководствовались мифологическими представлениями о самобытности России и преувеличивали роль общины, другие – столь же мифологизированными представлениями о Западе и негативных сторонах общины.

Данное противостояние в оценках самобытности России и возможностей её модернизации продолжается и по сегодняшний день, подтверждая цикличность развития не только социально-политических процессов, но и цикличность их отражения в научных исследованиях.

Например, молодой самарский историк уверенно констатирует: «Единственный способ для России достичь желаемых ею социально-

экономических и военно-политических успехов и уровня западных либеральных держав состоит в отказе от своего антилиберального пути развития и преодоления собственной культурной идентичности. Насколько оно того стоит – оставляю на усмотрение читателя. Бесконечно повторять бесплодные попытки сорвать плоды либерализма, не взрастив его на своей почве – как это делается в России уже на протяжении четырех веков – не имеет ни малейшего смысла и обречено на новые циклы революций и диктатур при нищете и слабости народа с неминуемым возвратом к очередной попытке перехода к либерализму»⁵.

С одной стороны, можно оценить смелость данного исследователя, так как данные обоснования неизбежности либерализма представлены в момент его явного политического кризиса в современной России, когда либерально ориентированные партии не просто потерпели поражение на выборах в Государственную думу, но переживают определенный «момент истины», связанный с самим фактом их существования. Маргинальные движения «Другой России» и им подобные вряд ли сегодня могут рассчитывать хотя бы на малейшую поддержку в обществе.

С другой стороны, не менее отважным представляется и открытый призыв автора к россиянам к преодолению собственной культурной идентичности. Как он видит это преодоление для рядового российского гражданина – вопрос остается открытым, особенно с учетом того, что единой культурной идентичности в России не было никогда. Даже в условиях тотальной индоктринации социалистической идеологии и единой очень мощной системы политической социализации в советский период сформировать единую политическую и культурную идентичность не удалось. В то же время именно либерализация политической и социально-экономической системы постсоветского периода привела к тому, что во многих регионах бывшего СССР возродились архаичные политические режимы, опирающиеся не только на этнические, но и на родоплеменные идентификации.

Поэтому подобные точки зрения имеют место у многих российских исследователей, но чаще всего носят более завуалированный и не столь явный характер. Например, по мнению Г.В. Тимофеевой, «российская ментальность формировалась веками, и ее можно охарактеризовать как общинную, рассматривающую человека как часть целого. Православие нормативно закрепило перераспределительные обычаи крестьянской общины, развивало склонность к смирению и покорности и препятствовало автономизации индивидов, абсолютизируя моральные ценности в противовес материальным. Отсюда низкие оценки активности и достижительных ценностей в современной России. В русской культуре успех – это, прежде всего, удача, везение, а не результат длительных собственных усилий; скорее, результат личных свя-

зей, а не объективных процессов. Накопительство, богатство и собственность часто рассматриваются не как положительные, а как отрицательные ценности. Свобода трактуется не как независимость и самостоятельность⁶. Выводы искушенный читатель должен сделать самостоятельно – если хочешь жить нормальной жизнью – нужно отказаться от своей российской ментальности и заменить её либеральной.

По мнению С.Н. Гавры, главное средство в разрешении кризисной ситуации в России заключается в том, чтобы пустить в страну крупные западные компании, как это сделали в 90-е гг. прошлого века страны Восточной Европы, компании, которые будут платить относительно приличную по российским меркам зарплату. В этом случае «появится (уже появилась) и у нашего человека мотивированность к труду. ...С нашей же точки зрения – в потребителях сила, именно они олицетворяют в своих жизненных практиках экспансию Западной цивилизации модерности, “западнизма” вообще. Именно масса сытых, но динамичных потребителей откажется со временем от следования национальным социокультурным традициям, выбьет из под ног всякую почву у оставшихся не у дел в разных сферах общественной теории и практики, не только вытесненных в маргинальную сферу в области идеологии, но и не могущих потреблять в сопоставимых натуральных и стоимостных объемах национальных, цивилизационных, религиозных хранителей и патриотов»⁷.

В.И. Новодворская для защиты интересов таких «светлых» западников предлагает еще более действенную меру. По её мнению, «вместо милиции и ОМОНа можно будет нанять на первых порах американских копов, а всякую госбезопасность путинского пошива разогнать подальше по лесам и полям»⁸. Очевидно, что для защиты самих американских копов понадобятся и американские силы быстрого реагирования, расквартированные под Москвой и Петербургом. Заодно можно и проблему «несправедливого» распределения природных ресурсов для транснациональных корпораций разрешить. После таких аргументов становится еще более понятно, почему либерализм так плохо приживается на российской почве.

Славянофильская идеализация российских народных устоев также не канула в лету. Например, авторы учебного пособия по духовным основам истории русской культуры заключают, что «среди факторов российского исторического развития русская народно-национальная, психологически мощная стихия обычно предстает в интеллектуально аморфном, идеологически неопределенном, порой хаотическом виде. Зачастую она как бы стеснительно укрывается в тени идей вселенской церковности и универсального государства, подспудно питая все творимое на русской земле, придавая ему исключительную

самобытность, но не решаясь твердо заявлять о себе и о своих правах. Осмысливаясь и развиваясь преимущественно вне сферы официальной идеологии, она в лучшем случае подразумевается (в качестве «народности») и ставится государственными мужами на последнее место в ряду коренных устоев России (после Православия и самодержавия). Однако, по сути дела, ее настоящее место должно быть между верою и государственностью. Как непреложно свидетельствует наша история, без прочно скрепляющего первую и вторую национальное самосознания, самобытно развитого общественного организма, национально конкретного гражданского общества, без постоянной заботы Церкви и государства о своих связях с нацией, о духовном, физическом, социальном благоденствии народа, трудно хранить отеческое Православие, нельзя отстоять Российской державы и, следовательно, невозможно осуществлять всенародное служение высшим духовным целям»⁹.

Авторы как будто не вышли из тех представлений, которые идеалистически были сформулированы в XIX в. российскими мыслителями, которые в страшных снах предположить не могли, через какие испытания придется пройти России в XX столетии: страшная Гражданская война, в которой православные убивали друг друга по идеологическим соображениям (так же как и мусульмане); насильственная коллективизация и сопутствующая ей практика целенаправленного голодомора в регионах-житницах; форсированная индустриализация; массовые репрессии и ГУЛАГ; жесткая антирелигиозная и антицерковная государственная политика; с невероятным напряжением и сверхчеловеческими усилиями выигранная Вторая мировая война; масштабные миграционные процессы и раскрестьянивание; радикальные реформы 1990-х и массовое обнищание населения. Это только крупнейшие исторические события, затронувшие миллионы и десятки миллионов советских/российских граждан. А сколько было не столь масштабных, но не менее трагических, исковеркавших судьбы тысяч и десятков тысяч людей? Например, жители деревень, попавших в зоны затопления в ходе строительства гидроэлектростанций, вынужденных бросить свои дома и могилы своих предков. Какая высшая духовная цель после всего пережитого может быть сформулирована для российского народа, наблюдающего, как накопленная невероятными усилиями и жертвами предшествующих поколений общенародная собственность в одночасье досталась кучке комрадоров, посадивших Россию на нефтегазовую иглу?

Анализ состояния сельского хозяйства в Российской Федерации позволяет констатировать, что сложившийся в советское время колхозно-совхозный уклад жизни в современной деревне в значительной степени разрушен во всех его измерениях: производственном, бытовом, социокультурном,

поселенческом. Однако новый уклад не был сформирован и российская деревня в очередной раз переживает состояние выживания. В отличие от всех предшествующих кризисов российской деревни современный характеризуется особой драматичностью и катастрофичностью.

Обусловлено это тем, что в ходе большинства аграрных реформ в истории России чаще всего постоянно повторялся главный их недостаток. Суть его заключается в абсолютизации интересов государства (и элиты соответственно) и политико-идеологических факторов и недооценке экономических и социальных интересов самого крестьянства. Деревня и крестьянство рассматривались как неиссякаемый и постоянно возобновляемый источник разнообразных ресурсов, необходимых для обеспечения внутренней и внешней политики Российского государства.

Петр I в ходе реформирования деревни предписал объединить черносошных крестьян Русского Севера, инородцев Поволжья, пашенных крестьян Сибири, однодворцев Юга в единую группу, получившую название «государственные крестьяне». Этим подчеркивалось, что невладелческие, негородские группы населения, составляющие одну пятую населения страны, не остаются в неопределенном состоянии, объявляются принадлежащими государству, которое с них взимает подушную подать в увеличенном размере, приблизительно равном денежному эквиваленту повинностей крепостных крестьян. Это привело к ужесточению государственного контроля, ограничению юридических прав и возможностей этих свободных прежде социальных категорий. Привязанные к тяглу, фактически лишённые права пространственного и социального перемещения, государственные крестьяне становились своеобразными крепостными государства, резервуаром, из которого русские самодержцы черпали людей для подарков своим сановникам и фаворитам. После секуляризации к этому резервуару были добавлены «экономические» крестьяне, а также казенные западных территорий и Закавказья, украинские казаки и другие.

Более того, мы не разделяем утверждения, что во время проведения податной реформы в деревне «Петр I ликвидировал тысячелетний институт холопства, существование которого коренилось не только в идущих с древности традициях домашнего рабства, организации русской армии, но и в экономической потребности иметь категорию зависимого населения, обслуживающего помещика на барской пашне и в домашнем хозяйстве»¹⁰. Да действительно, дворовые люди, состоявшие в значительной части из холопов, были включены в единый подушный оклад «дабы вечно с крестьянами» быть в тягле и зависимости от помещика. Формально это означало повышение их рабского статуса до статуса крепостных. Однако вся последующая история крестьянства свидетельствует, что реально помещики понизили

статус крепостных до уровня холопов. Самым наглядным свидетельством ломки традиционного менталитета крестьянства стала торговля людьми, в том числе с разделением семьи и без земли. Последние обстоятельства были особенно болезненными, так как разрывали все мироощущение и мировосприятие крестьян и превращали их в апатичных и безынициативных рабов. Начатый при Анне Иоановне процесс лишения крепостных крестьян даже тени юридических прав окончательно завершился в екатерининский «золотой век» дворянства. Они уже не присягали на верность государю, их без суда и следствия ссылали в Сибирь на поселение и в каторжные работы по одной лишь воле помещиков.

Реформа 1861 г. также основывалась на первоочередном учете интересов дворянства. За 40 пореформенных лет государственные расходы увеличились в три раза и удовлетворялись они в основном за счет крестьянства. В совокупности с выкупными платежами они не только не способствовали серьезному развитию товарно-денежных отношений в деревне, но и содействовали сохранению ментальных архетипов коллективного выживания, особенно с учетом массового голода. Не стимулировали зарождение рыночных ценностей и взаимоотношения с дворянами-землевладельцами. Значительная часть их земли (особенно «отрезки», составляющие одну пятую дореформенных крестьянских наделов) арендовалась крестьянами не на капиталистических условиях, а за отработки. Фактически они были продолжением барщины, построенной уже не на личной, а на экономической зависимости.

Столыпинская реформа, на наш взгляд, имела своей целью в первую очередь уничтожение общины, в которой реформатор видел главное препятствие экономическому прогрессу в деревне. Действительно, если допустить, что задачей номер один для Столыпина было насаждение хуторов и отрубов, то трудно объяснить содержание указа 9 ноября 1906 г. Нельзя не согласиться с П.Н. Зыряновым, что наиболее разработанной является та часть указа, в которой определяется порядок укрепления в собственность чересполосного надела¹¹. Но в таком случае процесс сведения земли в отруб или выселения на хутор не только не облегчался, но и получал серьезные препятствия. Вклинившиеся в общинные земли чересполосные наделы собственников затрудняли коренные переделы, с помощью которых только и было возможно компромиссное размежевание и распределение земель для желающих выйти на хутор или отруб за пределами общины. Если же признать, что такой компромисс не был нужен, что самоцелью преобразований было ускоренное разрушение общины, то логика реформаторов объяснима: расколоть общинное землевладение изнутри, создать конфликтные ситуации, препятствующие переделам. Тем самым искусственно

создавалась предпосылка, стимулирующая процесс формирования частнособственнических отношений в деревне.

В то же время вряд ли можно однозначно согласиться с мнением Н.Г. Рогалиной, что глубоким стратегическим замыслом реформы было «создание новых форм социально-экономического быта, обстановки уважения к собственности вообще»¹². Как раз последнего *вообще* реформа и не создавала. Действительно, она соответствовала ментальности тех, кому стало тесно в рамках общины с её принудительным севооборотом и уравнительными земельными переделами, и тех, для кого надел был обузой, и он стремился от него избавиться. Они-то и вышли из общины. Однако для большинства, сохранивших общинный менталитет, обстановки уважения к собственности вообще реформа не создавала по одной простой причине – формы и методы её административного проведения не отличались уважением к их общинной собственности. Общинники отвечали «взаимностью» и сопротивлялись, используя богатый арсенал воздействия: от остракизма, до прямых угроз и действий.

Реформаторы, как правило, не учитывали устремленности массового менталитета крестьянства, а игнорировали его, либо пытались изменить в «нужную» сторону. В результате крестьянство проявляло вначале пассивную покорность и инерцию, которые постепенно накапливали взрывчатый материал максимализма и радикализма¹³. Именно он и был использован революционерами всех мастей. Не случайно Ленин утверждал, что аграрный вопрос был «гвоздем» трёх русских революций.

Доктрина революционных демократов и народников была теоретической конструкцией, построенной в соответствии с изначально неверно заданными параметрами, определяемыми «социалистической» сутью российской крестьянской общины. Внедрить в сознание крестьян «очищенный» от самодержавных наслоений идеал общинной жизни (не совпадающий с крестьянским) и поднять их на борьбу с самодержавием – вот приоритеты всех сторонников этого течения. Причем неудачи с распространением «социалистических ценностей» во время «хождения в народ» заставили сконцентрировать силы на решении второй задачи. Соответственно и акцент делался на обращении к бунтарской, дезорганизующей, разрушительной стороне крестьянского менталитета.

Победоносная результативность большевистской программы вовсе не означала ее соответствия ментальным ценностям крестьянства, а лишь свидетельствовала об их использовании для достижения кардинально иных целей. Это была своего рода поэтапная «эксплуатация» отдельных, выгодных для большевиков, характерных черт крестьянства. В таком ракурсе действительно можно говорить, что реальности «большой кре-

стьянской революции» изменяли идеологию большевиков в ее *тактической части*, обеспечивающей свержение существующего строя, но отнюдь не стратегические цели, в которых крестьянству места по-прежнему не оставалось.

Таким образом, большевики наиболее радикально пошли навстречу программным требованиям крестьянства после Февральской революции, пообещав незамедлительно воплотить их в жизнь после своего прихода к власти. Однако, по сути, стратегическая часть их идеологии была наиболее далека как от ценностей капитализирующейся части крестьянства, так и от идеалов восторжествовавшей общинной деревни, поскольку в будущем социалистическом обществе места крестьянству не отводилось вообще, и оно должно было исчезнуть как класс с исторической арены. Поэтому вынужденно и временно введя НЭП после утраты надежд на немедленную мировую революцию, большевики лишь отложили решение этого вопроса до создания необходимых условий для социалистического преобразования деревни. Лидеры большевистской партии, расходясь в вопросе о путях, способах и темпах перевода крестьянства на социалистические рельсы, были едины в конечной цели – ликвидации крестьянской мелкобуржуазной стихии «ежедневно, ежечасно рождающей капитализм». Опыт НЭПа подтвердил, что общинные ценности не имеют ничего общего с коммунарами и колхозами и, несмотря на их пропагандистскую, финансовую и материальную поддержку, большинство крестьянства добровольно отказывалось перевести свои хозяйства на социалистические рельсы. Общинный менталитет оказался неадекватным идеологическим конструкциям и его пришлось насильственно разрушить, чтобы построить «величественное здание социализма».

Социалистический модернизационный эксперимент в российской деревне, с одной стороны, был задан идеологическими догмами и мифологемами марксизма, отражавшими западноевропейские тенденции укрупнения производства и отчуждения работников от средств труда. В этих тенденциях марксисты видели объективные предпосылки перехода к социализму и созданию крупных общественных хозяйств, в том числе и в сельском хозяйстве. В средняцкой российской деревне эта тенденция прослеживалась очень слабо и ее пришлось заменить искусственной и насильно организованной коллективизацией. С другой стороны, созданные путем чрезвычайных жертв и сверхнапряженных усилий модернизированной промышленностью и колхозно-совхозная система форсированно разрешили ряд противоречий, накапливавшихся в российской деревне с XIX в.: аграрное перенаселение, рутинный уровень хозяйствования, отсутствие технической базы для внедрения передовых технологий и агрокультуры, низкий уровень грамотности и другие.

Подобная модернизация двояким образом сказалась на эволюции крестьянского менталитета. Постепенная механизация сельскохозяйственного производства и формирование соответствующей социально-профессиональной структуры, определенное повышение уровня жизни, введение гарантированной заработной платы и пенсий, бесплатное всеобщее образование, здравоохранение, развитие социальной инфраструктуры и многие другие преобразования всех сфер жизни в деревне в течение трех-четырех поколений вызвали серьезные ценностные изменения в ментальном восприятии колхозной системы. Ее положительные стереотипы не были результатом только мощного тотального идеологического воздействия, простым отражением пропагандистских штампов о самом прогрессивном в мире способе хозяйствования на земле. Историческая память крестьянства действительно запечатлела и положительно оценила значительные сдвиги в развитии материально-технической базы, улучшении условий труда и образа жизни колхозной деревни (особенно в 1950–80-е гг.). Массированная идеологическая обработка лишь внедряла в структуры менталитета стереотипы, что такие успехи стали возможны *только* в результате социалистической модернизации, *только* как следствие развития колхозного строя.

В результате за относительно короткий исторический срок у колхозников выработалось глубокое и стойкое положительное ментальное восприятие этой системы по сравнению с предшествующей, построенное на простых, но очень сильно действующих образах сравнения по типу: «соха и трактор», «нищета – достаток», «неурожайные годы – гарантированная помощь», «примитивный быт – бесплатное пользование колхозными и государственными социальными благами» и т.п.

Вместе с тем социалистическая модернизация не синтезировала технические достижения и культурный рост крестьянства с личным интересом, с развитием установок, ориентирующих на предприимчивость, инициативность, самосовершенствование, творческое и ответственное хозяйствование на земле. Напротив, колхозы и совхозы находились в жесткой системе административно-командного управления с аналогичной внутриколхозной (совхозной) системой производственных отношений. Несмотря на все попытки политического режима мерами идейно-воспитательного воздействия активизировать действие вышеназванных установок, основанных на более «высокой» социалистической морали и общественной сознательности, результативность их не могла компенсировать личную самостоятельность и заинтересованность в результатах труда. Это было, пожалуй, главной причиной того, что социалистическая модернизация сельского хозяйства уступила по эффективности не только развитым капиталистическим странам, но и «зеленой революции» в странах третьего мира.

Таким образом, особенности общинного менталитета российского крестьянства, его системно-центризм, приоритеты коллективных ценностей над индивидуальными, глубинные архетипы выживания, особая значимость государства для самосохранения народа, высокая духовность, стремление к социальной справедливости и другие архетипы на протяжении всей истории страны использовались модернизаторами в основном для достижения целей, не способствующих интересам развития самого крестьянства, его внутренним потребностям, естественному раскрытию его потенциальных возможностей. Условия чрезвычайщины и экстремальности, в которые было поставлено российское крестьянство, фактически на протяжении всей истории сделали его заложником общинного менталитета, наследие которого проявляется и в условиях сегодняшней модернизации сверху в виде деколлективизации и фермеризации российской деревни и ее шокового перехода к рыночным отношениям.

На рубеже 1980–90-х гг. в основу аграрного реформирования вновь был положен идеологический фактор. Все проблемы сельского хозяйства объяснили принципиальной неэффективностью колхозно-совхозной системы. Выход из кризисной ситуации сторонники либеральных преобразований обосновали в виде концепции «возвращения хозяина земле» на основе разрушения «агроулага» и перехода к рыночным отношениям в деревне. В результате сложившаяся социально-экономическая инфраструктура в деревне в значительной степени была разрушена, а новая не была создана.

Политический фактор в ходе реформирования колхозно-совхозной системы был доминирующим даже в институциональном определении. Например, названия ЛПХ (личное подсобное хозяйство) и КФХ (крестьянское фермерское хозяйство) были связаны с идеологическими понятиями, лежащими в основе их законодательного закрепления. В советской колхозно-совхозной системе семейные хозяйства были объявлены «подсобными», обреченными с развитием этой системы на скорое исчезновение, а в период реформ 1990-х гг., когда ставилась задача превратить Россию в «нормальную» страну, т.е. в страну европейского и/или североамериканского типа, предполагалось, что семейные хозяйства, аналогично тому, как это имеет место в Европе, США, Канаде, должны стать доминирующими¹⁴.

Идеологической базой для проекта постсоветской аграрной реформы служили, с одной стороны, распространенные на Западе идеи экономического превосходства относительно небольших семейных ферм без или с минимальным использованием наемного труда, а с другой – аналогичные идеи отечественного экономиста-аграрника начала XX в. А.В. Чайнова, которые называл современными ему русские семейные фермы крестьянскими хозяйствами. Название «КФХ» соединило в себе эти два идеологических влияния¹⁵.

Современное состояние российской деревни наиболее адекватно можно определить как катастрофичное¹⁶. Среди ключевых проблем, требующих незамедлительного решения – вымирание и депопуляция деревни за счет более высокой смертности сельского населения, его деградации и пьянства, низкой продолжительности жизни и оттока молодежи¹⁷. Значительная часть сельских жителей имеет среднестатистические ресурсы ниже прожиточного уровня. Растет разрыв между городом и деревней по уровню бедности. По данным современных исследователей, сельские жители в 2 раза чаще оказываются в числе бедных¹⁸. Деревня существенно отстает от города по уровню и качеству жизни. Значительная часть сельского населения живет только за счет личных подсобных хозяйств.

Система социальной инфраструктуры (и в советское время отстававшая от города) в условиях перехода к рыночным отношениям оказалась в значительной степени разрушенной. Это создает неравные с городом условия развития человеческого капитала. Специфика сельскохозяйственного производства, узость альтернативной занятости обусловили обострение социальных проблем деревни¹⁹.

Происходит деградация и деспециализация производства, разрушение воспроизводственного потенциала. Либерализация экономических связей в АПК и приватизация колхозно-совхозного сектора на основе передачи значительной части сельскохозяйственных угодий из собственности государства в индивидуальную и коллективную частную собственность граждан и предприятий не привели к повсеместному созданию эффективно работающих стабильных хозяйств. Фермерский слой не стал доминирующим производителем в российской деревне. Сохраняются неблагоприятные общие условия функционирования сельского хозяйства, и, прежде всего, неудовлетворителен уровень развития рыночной инфраструктуры, изношены производственные фонды, растут цены на основные потребляемые отраслью ресурсы и услуги.

В 2000-е гг. произошел ряд перемен в государственной аграрной политике: начался рост аграрного бюджета, стало осуществляться регулирование земельного и зернового рынка, использоваться квотирование импорта. Особенно значимой стала реструктуризация долгов сельскохозяйственных производителей, расширение их доступа к кредитным ресурсам. В 2006 г. была проведена Всероссийская сельскохозяйственная перепись, началось осуществление приоритетного национального проекта «Развитие АПК». Был принят Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства», в соответствии с которым начала реализовываться Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования агропродовольственных рынков на 2008–2012 годы.

В результате государственная поддержка аграрному сектору возросла, но финансовые вливания большую часть обозначенных выше проблем решить не смогли, с учетом того, что в условиях мирового финансового кризиса масштабы поддержки не смогли остаться запланированными. Важнейшей проблемой остается неэффективный характер использования ресурсов государственной поддержки, которая нередко не доходит до реальных сельскохозяйственных производителей или осуществляется на коррупционных условиях.

Необходима модель «опережающего развития» на основе выделения определенных инновационных приоритетов. В то же время необходимо иметь в виду, что разрушительные последствия в экономической, социальной и культурной сферах деревни в постсоветский период настолько велики, что необходим комплексный подход для их преодоления.

Для выхода из сложившейся ситуации необходим кардинальный пересмотр основных принципов разработки и реализации государственной аграрной политики.

Большинство специалистов сельского хозяйства согласны в том, что быстрый выход из создавшегося положения невозможен, слишком много накопилось нерешенных проблем. По мнению академика Л. Абалкина, нужно сделать два важных шага. «Во-первых, следует быстро и конструктивно пересмотреть базовые основы аграрной политики: ввести ценовой паритет, оказать государственную поддержку селу, как это делается во всех развитых странах мира. Потребуется два-три года при наличии четкой политической воли как в центре, так и в регионах, при слаженной работе всех структур власти и поддержке со стороны средств массовой информации. Но возрождение села и обеспечение продовольственной безопасности страны настоятельно требуют таких усилий. Во-вторых, необходимо приступить к осуществлению долгосрочной стратегии, рассчитанной как минимум на 20 лет»²⁰.

При этом многие специалисты предупреждают об опасности слепого заимствования западного опыта в сельском хозяйстве, «поскольку во многих случаях он ведет в технологический тупик»²¹. Последние события в Германии показали, что в борьбе за повышение конкурентоспособности и получение прибыли западные сельхозпроизводители используют технологии, способные принести существенный вред потребителям аграрной продукции.

Не случайно Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р, одной из основных целей государственной аграрной политики в долгосрочной перспективе определено устойчивое развитие сельских территорий, повышение уровня жизни сельского населения. Вместе

с тем большое внимание уделено обеспечению национальной безопасности страны.

Специалисты утверждают, что для освоения земли надо изменить демографическую ситуацию, привлечь в село миллионы людей. Но для этого жизнь на селе должна стать комфортной и привлекательной. Необходимо построить современное благоустроенное жилье, создать социальную сферу (школы и медицинские учреждения), закупить современную технику, обеспечить аграрный сектор удобрениями и т.д. Современные информационные технологии позволяют жить не в изоляции, а приобщаться к высшим достижениям науки и культуры, поддерживать связь с родственниками и друзьями. Такое «переселение» людей должно быть добровольным, при мощной поддержке власти, способной стратегически решать назревшие социально-экономические проблемы. Сельское население способно к воспроизводству, если развитие аграрно-промышленного комплекса станет не только экономическим, но и приоритетным социальным проектом. От этого в решающей степени зависит возрождение России, благополучие наших граждан, судьбы наших детей и внуков²².

В целом исторический опыт аграрного реформирования свидетельствует, что необходимо принципиально изменить сам государственный подход к решению проблем российской деревни. Целесообразно отказаться от доминирования идеологических факторов и мировоззренческих стереотипов и руководствоваться принципами экономической целесообразности и национальной безопасности. Новая аграрная политика должна быть основана на принципах научности, деидеологизированности, преемственности, взвешенности, комплексности, взаимоувязанности и совокупного учета экономических, социальных, демографических, культурных факторов, обуславливающих специфику сельского образа жизни в России в условиях глобализации.

Примечания

- ¹ В советское время этот пушкинский материал фактически был вне исследовательского поля пушкинистов, так как противоречил традиционно формируемому в научных трудах и учебниках образу великого русского поэта как вольнодумца и союзника декабристов.
- ² *Пушкин А.С.* Путешествие из Москвы в Петербург // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. М., 1969. Электронная библиотека. URL: <http://www.rvb.ru/pushkin/01text/07criticism/02misc/1050.htm>
- ³ *Чаадаев П.Я.* Афоризмы. Статьи и письма. М., 1987. С. 173–174.
- ⁴ Подробнее см.: *Вилков А.А.* Роль общественно-политических взглядов историков середины XIX века в изучении и оценках крестьянской общины // Истори-

ческие воззрения как форма общественного сознания: материалы науч. межвуз. конф. Саратов, 2–4 июня 1993 г. Саратов. 1995. Ч. 1. С. 80–90.

- ⁵ *Репинецкий С.А.* Формирование идеологии российского либерализма в ходе обсуждения крестьянского вопроса публицистикой 1856–1860 годов. М.; Самара, 2010. С. 313.
- ⁶ *Тимофеева Г.В.* Влияние институциональных факторов на процесс аграрного реформирования в конце XX – начале XXI века // Вестн. ВолГУ. Сер. 3. 2008. № 1(12). С. 20–21.
- ⁷ *Гавра С.Н.* Модернизация России: постимперский транзит: монография / предисл. Л.С. Перепелкина. Nebraska University of Lincoln, 2009. С. 258, 262–263.
- ⁸ *Новодворская В.И.* Ночной позор. URL: <http://grani.ru/opinion/novodvorskaya/m.185340.html> (дата обращения: 16.01.2011).
- ⁹ *Булычев Ю.Ю., Рябов Ю.А.* Духовные основы истории русской культуры от середины XIX до конца XX в.: учеб. пособие. СПб., 2007. С. 412.
- ¹⁰ Власть и реформы. От самодержавия к советской России. СПб., 1996. С. 143–144.
- ¹¹ См.: *Зырянов П.Н.* Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М., 1992. С. 78–79.
- ¹² *Роголина Н.Г.* Реформаторство XX века и крестьянский менталитет // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): материалы междунар. конф. Москва, 14–15 июня 1994 г. М., 1996. С. 228.
- ¹³ Маятниковую модель настроений и поведения российского крестьянства в ходе реформ см.: *Эйдельман Н.* «Революция сверху» в России. М., 1991; *Литвак А.А.* Переворот 1861 г. в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991.
- ¹⁴ См.: *Ефимов В.М.* Эволюционный анализ русской аграрной институциональной системы // Мир России. 2009. № 1. С. 75.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ См.: *Абалкин Л.* Аграрная трагедия России // Вопросы экономики. 2009. № 9. С. 4–14; *Будалов И.* Перекачка как отражение социально-экономической ущербности аграрной политики // Вопросы экономики. 2009. № 10. С. 121–130; *Никольский С.А.* Аграрный курс России: мировоззрение реформаторов и практика аграрных реформ в социально-историческом, экономическом и философском контекстах. М., 2003.
- ¹⁷ См.: Численность и размещение населения. М., 2004. Т. 1. С. 8, 348.
- ¹⁸ См.: *Малева Т.М., Овчарова Л.Н.* Социальный контекст модернизации // Модернизация России: условия, предпосылки, шансы: сб. ст. и материалов. Вып. 2 / под ред. В.Л. Иноземцева. М., 2009. С. 77.
- ¹⁹ См.: Сельская бедность и сельское развитие в России / Е.В. Серова и [др.]. М., 2004.
- ²⁰ *Абалкин Л.* Указ. соч. С. 14.
- ²¹ *Голубев А.* Посткризисное развитие сельского хозяйства России // Вопр. экономики. 2009. № 10. С. 131.
- ²² См.: *Абалкин Л.* Указ. соч. С. 14.